

ЯПОНИЯ и КИТАЙ: ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ в АТР

В настоящее время Юго-Восточная Азия вступила в новый для себя этап развития, когда по мере ослабления внимания американской администрации к этому региону, противостояние в нем все больше стало сосредотачиваться на японо-китайских отношениях. До последнего времени эти отношения развивались сложно и неоднозначно, периоды откровенного противостояния и противоборства сменялись периодами, когда обе стороны стремились ослабить противоречия и развивать взаимное сотрудничество.

Еще в 1972 г., когда впервые после окончания Второй мировой войны обе страны восстановили дипломатические отношения, они выступили с совместным китайско-японским заявлением, после чего их двусторонние отношения, официально именовавшиеся отношениями «дружбы и сотрудничества», стали довольно быстро развиваться. В очевидном выигрыше от этого оказался Китай, куда потекли японские инвестиции и технологии, заложившие во многом фундамент для его экономического роста. В 1978 и 1998 гг. взаимные отношения двух стран были формализованы, соответственно, в Договор о мире и дружбе и китайско-японскую совместную декларацию.

Однако по мере усиления КНР в Японии все острее становились дискуссии относительно того, является ли растущий Китай возможной угрозой японским интересам и безопасности, насколько можно доверять его коммунистическому режиму. Поэтому все это время отношения между Японией и Китаем не отличались стабильностью и сбалансированностью. Более того, в 2001 г., после того как Китай в обход договоренностей с Японией и Южной Кореей заключил отдельный договор со странами АСЕАН о формировании зоны свободной торговли, и в очередной раз обрушился на японского премьера за посещение им храма Ясукуни, политический диалог двух стран, который в 90-е годы носил регулярный, характер фактически прервался. Раз-

ногласия вокруг целого ряда политических проблем обострились до такой степени, что стали даже угрожать развитию торгово-экономических и других связей.

Возвращение отношений в более позитивное русло произошло только после смены японского руководства, когда в 2006 г. в отставку ушел кабинет министров во главе с Дзюинтиро Коидзуми, который не раз заявлял, что не доверяет Пекину. Реальная оттепель в двусторонних отношениях началась с официального визита в столицу Китая в октябре 2006 г. нового премьер-министра Японии Синдзо Абэ. В Совместном китайско-японском заявлении, подписанном тогда, было подчеркнуто стремление сторон вернуться к диалогу без предварительных условий и развивать всестороннее сотрудничество на основе выстраивания между двумя странами «стратегических взаимовыгодных отношений». В апреле 2007 г. Токио с официальным визитом посетил премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Он провел переговоры с премьер-министром С. Абэ, был принят императором Акихито, выступил с речью перед депутатами парламента. В местной прессе визит был оценен как «растопивший лед» в двусторонних отношениях. В Совместном японо-китайском заявлении были уточнены положения, которые содержались в Совместном заявлении 2006 г., раскрывалось содержание нового важного понятия - «стратегические взаимовыгодные отношения». Сменивший через год С. Абэ на посту премьер-министра Я. Фукуда сохранил курс на улучшение отношений с Китаем. В ходе его официального визита в КНР в декабре 2007 г. стороны подтвердили стремление следовать договоренностям, достигнутым на саммитах в 2006 и 2007 гг.

В мае 2008 г. казалось, что отношения двух стран достигли своего пика - в ходе официального визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Японию было подписано японо-китайское Совместное заявление о «Всестороннем развитии взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах». Обе стороны по значимости отнесли это заявление к категории важнейших дипломатических документов, содержащиеся в которых договоренности квалифицируются как «политический фундамент» развития отношений двух стран. В Японии подчеркивали тогда, что «всеобъемлющая стратегия стимулирова-

ния взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах», должна стать приоритетной целью политики двух стран в отношении друг друга. Однако все более очевидная мощь Китая и все более последовательный курс на экспансию в Восточной и Юго-Восточной Азии, желание показать Японии, что она уже младший партнер во взаимном диалоге, плюс споры в отношении принадлежности островов Сэнкаку (Даоюдао-кит), вновь вернули отношения Японии и Китая к точке замерзания. О причинах нового витка японо-китайской напряженности американские политологи Р. Эллиног и Э. Олсен пишут, в частности, что: «Китай рассматривает себя в качестве естественным образом доминирующей державы Восточной Азии, что бы китайцы ни говорили. Китай следует этой политике шаг за шагом и, в отличие от Японии, оказывающей преимущественно экономическое влияние, он, по мере того как становится сильнее, стремится осуществить, помимо экономического, влияние политическое»¹. Авторитетный региональный политик бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю в конце 1990-х годов дал весьма впечатляющий прогноз того, что может произойти в результате усиления позиций Китая: «Масштабы изменения Китаем расстановки сил в мире таковы, что миру потребуется 30-40 лет, чтобы восстановить утраченный баланс. На международную арену выходит не просто еще один игрок – выходит величайший игрок в истории человечества»².

В словах Ли Куан Ю не было преувеличений, и перед Японией в конце первого десятилетия нынешнего века встала задача, которую ясно сформулировал премьер министр Ю.Хатояма В одном из своих выступлений он выразил откровенную обеспокоенность ситуацией, которая складывается для его страны, указав как трудно Японии сохранять свою политическую и экономическую независимость и защищать свои национальные интересы, находясь между Соединенными Штатами, которые борются за сохранение положения доминантной державы, и Китаем, добивающимся стать ею. Уже уйдя в отставку, он признал, что в японско-китайских отношениях проблемы связаны с тем, что «нынешняя японская администрация раздувает китайскую угрозу и одновременно усиливает обеспечение безопасности». Он отметил, что это плохо, и из-за того,

что Япония подчеркивает китайскую угрозу, японско-китайские отношения в сфере политики ненормальны. По его мнению, Япония не должна стремиться стать политической и военной державой, а должна демонстрировать мощь во внешней политике. Японской стороне следует стремиться к улучшению японско-китайских отношений, в том числе к решению исторических проблем³.

Однако нынешняя японская политика во многом идет вразрез с этими пожеланиями бывшего премьер-министра. Сегодня в стремлении ограничить масштабы экспансии Китая в ЮВА, именно Япония все более решительно демонстрирует свои немалые возможности в ограничении китайского влияния на правительства тех стран ЮВА, которые наиболее тесно сотрудничают с Китаем в экономической сфере. В качестве примера здесь можно привести активизацию японской политики в Камбодже – стране, которая в последнее время рассматривается чуть ли не как главный союзник Китая в ЮВА. Практически все государства Запада и, в том числе, США, резко осудили репрессии правящего режима Хун Сена против политической оппозиции, резко сократили Камбодже экономическую помощь. Но не Япония, которая сегодня фактически в одиночку выступает в этой стране как некий контрбаланс китайскому доминированию. Япония не только сохранила финансовую поддержку по линии ОДА (Официальная помощь развитию), но даже не сократила свою техническую и финансовую помощь национальному избирательному комитету Камбоджи⁴, хотя все понимают, что когда основные лидеры оппозиции либо в тюрьме, либо в изгнании, говорить о свободе и демократичности выборов просто не приходится. Понятно, что главная цель японских усилий состоит в том, чтобы сохранить свое весомое присутствие в стране и влияние на происходящие там процессы, выступить, как впрочем, и везде в ЮВА, определенным контрбалансом китайской экспансии.

Интересно, что свои действия в Камбодже японцы проводят в одиночку, не полагаются как обычно на своего американского союзника. Видимо в этом сегодня заключается новое качество международных отношений в регионе, когда Япония перед лицом экспансии Китая возвращает себе определенную

свободу действий. Сегодня она активно действует и в сохранении существующего статус-кво в регионе, и в поиске новых форм политико-экономической интеграции в Большой Восточной Азии.

Речь идет о совершенно революционном (для всегда осторожной японской политики) предложении С. Абэ, которое он сделал на полях саммита АТЭС в Дананге - когда предложил вместо Транстихоокеанского партнерства (ТПП), которое по воле президента Трампа лишились участия США, организовать так называемое Всеобъемлющее и прогрессивное транстихоокеанское партнерство (ВПТП). При этом лидеры 11 стран Тихоокеанского региона немедленно высказали согласие на подготовку нового соглашения по трансграничному партнерству и сотрудничеству. Судя по их заявлениям, новый союз будет отличаться от старого ТПП лишь тем, что в нем будут отсутствовать США, из-за чего совокупный валовый продукт ВПТП уменьшился примерно на две трети.

В связи со всем этим возникает вопрос - зачем Япония пошла на продолжение этого проекта, способна ли она сформировать этот крупнейший интеграционный рынок, тем более, что конкуренция со стороны поддержанного Китаем плана формирования не менее грандиозного интеграционного проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), остается крайне актуальной и опасной для будущего ВПТП.

С одной стороны понятны личные амбиции С. Абэ, его желание не только построить «правильную страну», но и существенным образом увеличить роль место и значение Японии как в АТР, так и в ЮВА. Понятно и его очевидное стремление ограничить китайскую экспансию в регионе, в отсутствии США дать странам АСЕАН уверенность в том, что японцы приложат все усилия, чтобы сохранить баланс сил в ЮВА. Но очевидно, что этого явно недостаточно для успеха предложенного проекта, тем более, что С. Абэ идет на большой риск, так как все подобного рода проекты, которые выдвигались японскими лидерами еще со времен К. Танаки, всегда вызывали подозрение соседей Японии в том, что она вступает на дорогу рваншизма и вновь рассчитывает доминировать в Большой Во-

сточной Азии. Я полагаю, что нынешний японский премьер-министр все прекрасно рассчитал, ведь согласно ежегодному опросу лидеров общественного мнения государств Тихоокеанского экономического сотрудничества, рост протекционизма считается самым высоким риском для их развития и процветания. В отличие от США, где Трамп отходит от глобализма к национализму и уповает на защиту внутреннего рынка и на развитие преференциально американской промышленности, в АТР идея интегрированных рынков, как залог мира процветания и устойчивого развития, очень популярна. И это вполне естественно, так как именно интеграционные объединения типа АТЭС, особенно в 90-е годы, ВАС в 2000-ные, КАФТА с 2010 г. - сыграли решающую роль в их подъеме. Кроме того первые разговоры о формировании ВПТТП японские лидеры начали вести еще до прихода Трампа к власти. На фоне неудачной попытки подписать окончательное соглашение по ТТП в феврале 2014 г. в Сингапуре, в ноябре того же года на последней сессии АТЭС в Индонезии они предложили для обсуждения идею создания зоны свободной торговли в АТР большего чем ТПП масштаба. Речь шла о мегарынке, на долю которого приходилось бы 80% японского экспорта, 60% импорта и 70% прямых инвестиций. Одна из самых влиятельных японских газет «Асахи» отмечала тогда, что в Японии не видят проблемы в существовании параллельных курсов интеграции. Более того, по мнению этой газеты «ТТП может составить стержень ВПТТП».

Можно сказать, что японцы оказались готовы к уходу из ТПП американцев и немедленно предложили азиатским странам – участницам ТПП реальную альтернативу, которая, по всей видимости, возьмет все лучшее, что было наработано за долгие годы переговоров по формированию ТПП. Здесь будет и отказ от государственного сектора в странах - участницах ВПТТП, также будут включены принятые для ТПП высокие трудовые и экологические стандарты, запреты на торговлю людьми, детский труд и поддержку профсоюзов. Не совсем ясно, будут ли востребованы в новом интеграционном объединении положения относительно защиты прав интеллектуальной собственности. Они разрабатывались и применялись по боль-

шей части в интересах США и непонятна их роль в их отсутствие. Неясно и насчет положений о правах транснациональных корпораций. Параграф о том, что их права практически оказываются равными правам национальных правительств и парламентов и то, что они могут обжаловать их решения в специальном суде ТПП - также прописывался исходя из интересов США, где сосредоточено примерно 80 % всех мировых ТНК.

Судя по тому, с каким энтузиазмом страны АСЕАН восприняли предложение Японии относительно ВПТПП можно сказать, что так называемый «японский синдром» - глубокая обида на Японию за всё, что она сотворила в Юго-Восточной Азии в период Второй мировой войны, фактически преодолен. Если в 70-е годы визиты тогдашнего премьер-министра Японии К. Танаки вызывали в странах региона многотысячные демонстрации протеста и требования все новых компенсаций, то сегодня японского премьер-министра рассматривают как чуть ли не спасителя ЮВА от китайского доминирования. Учитывая такие настроения региональных элит, а также высокий уровень разработанности основных документов для ТПП можно предположить, что процесс подготовки нового договора будет недолгим и новое интеграционное объединение, с Японией во главе, появится либо в конце 2018 г., либо в следующем г. Что касается стран АСЕАН, то в ВПТПП их видимо будет значительно больше, чем в ТПП, так как кроме Сингапура, Малайзии, Брунея и Вьетнама, собиравшихся участвовать в ТПП, к ним могут присоединиться еще и Индонезия, Таиланд и Филиппины. Таким образом, ВПТПП может стать намного более юговостоазиатским объединением, чем ТПП, так как из десяти стран АСЕАН только Камбоджа, Лаос и Бирма могут остаться за бортом. При этом я не думаю, что образование ВПТПП как-то подорвет единство АСЕАН, так как эти страны наиболее слабые и отсталые в этом региональном блоке и от их участия или неучастия мало что будет зависеть. Но в принципе какая-то угроза, что они войдут в зону преобладающего китайского влияния либо через проект ВРЭП, либо через проект «Великого шелкового пути» все равно остается, даже несмотря на то, что перспективы этих китайских предложений все еще не очень ясны и определены.

Особенно это касается пресловутого ВРЭП, который по идее должен был «выстрелить» после отказа американцев от ТПП, но так пока и не выстрелил. Дело в том, что переговоры в рамках ВРЭП развиваются очень медленно. Казалось бы, там будут участвовать и Китай Япония, Южная Корея, Индия, возможно Россия и плюс Австралия и Новая Зеландия и некоторые другие страны, то есть поле для сотрудничества кажется очень емким и перспективным. Но, видимо, обилие участников с разными интересами все время останавливает развитие ВРЭП. Как отмечает известный обозреватель в Стрейтс таймс Рене Велюр «в последнее время, прогресс в этом соглашении был менее чем удовлетворительным, несмотря на 20 раундов переговоров. Основная часть соглашения, включая установление уровней доступа на рынки, еще не подтверждена»⁵.

При этом он отмечает, что «одним из самых сложных вопросов является требование Индии о том, что любой «всеобъемлющий» пакт должен также включать либерализацию торговли услугами, область, в которой Дели прекрасно понимает, что имеет конкурентное преимущество. Другие члены ВРЭП не готовы согласиться с таким радикальным индийским предложением»⁶. Другой «камень преткновения» для ВРЭП – это вопросы либерализации торговли товарами сельскохозяйственного производства. Кстати, участникам ВПТПП его удалось с успехом решить.

Есть еще один момент, который явно затягивает переговоры по ВРЭП. Это явное отсутствие доверия сторон друг другу. Отсюда у китайцев возникают подозрения, что Индия, Индонезия и Япония работают как бы против этой инициированной Китаем интеграционной экономической организации.

Как мы видим, японо-китайское соперничество и в АТР и в ЮВА приобретает сегодня новый характер, причем особенно отчетливо оно проявляется в борьбе за лидерство в интеграционных проектах. Видимо таким путем японцы рассчитывают вернуть свое преобладающее влияние на страны АСЕАН, которое существовало еще в конце XX века, когда экономика Японии доминировала в АТР. Позже на исходе первой декады XXI века картина изменилась в пользу Китая, который стал для стран АСЕАН самым крупным региональным партнером, ос-

новным кредитором и инвестором. Создав в 2010 г. зону свободной торговли Китай - АСЕАН, Пекин, казалось, закрепил за собой преобладающее экономическое влияние в регионе. Но, как выясняется Япония, несмотря на все успехи и мощь Китая, не собирается отказываться от борьбы за лидерство в региональной экономике, стремясь позиционировать себя в качестве ведущего экономического центра. При этом, и это очень важно, она готова действовать и без непосредственной поддержки со стороны США. В разворачивающемся перед нами сценарии можно увидеть черты новой политической архитектуры в Азии.

¹ Менталитет Китая. info@textbooks.studio.

² Там же.

³ <http://russian.news.cn/> 10.11.2017.

⁴ Pacific Forum CSIS, <pacnet@pacforum.org>, 18.01.2018.

⁵ Straits Times, 15.12.2017.

⁶ Там же.